

Е. Я. РОГОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

В статье рассматривается сооружение, открытое в Херсонесе в процессе подготовки к реставрации юго-восточного участка оборонительной стены города и интерпретированное С. Ф. Стржелецким как «цистерна-нимфеум».

В августе 1957 г. в ходе подготовки к реставрации юго-восточного участка оборонительной стены Херсонеса были предприняты исследования прямоугольного углубления в скале, расположенного неподалеку от ворот с внутренней стороны 16 куртины главной оборонительной стены города.

Раскопки этого сооружения по поручению С. Ф. Стржелецкого вел А. М. Гилевич. Судя по дневниковым записям, раскопки были начаты 23 августа, но уже на следующий день их пришлось приостановить, поскольку, как отмечается в дневнике, из-под фундамента оборонительной стены сильно била вода, а ручная помпа, которую поставили для откачки воды, не могла справиться с этой задачей (Архив НМЗХ. Д. 1040). В работах по вскрытию объекта, обозначенного в дневнике А. М. Гилевич как цистерна, принимал участие В. И. Кац, только окончивший университет. По его воспоминаниям, несмотря на интенсивное поступление воды, значительную часть засыпи цистерны все же удалось удалить.

Доследование сооружения было возобновлено в мае 1958 г. Для откачки воды была установлена мотопомпа, с помощью которой удалось полностью доследовать сооружение, сделать фотоснимки и провести его графическую фиксацию. Материалы раскопок хранятся в фондах Национального музея-заповедника Херсонес Таврический.

С. Ф. Стржелецкий интерпретировал открытое сооружение как «цистерну-нимфеум», и, хотя его мнение нигде опубликовано не было, оно было принято сотрудниками музея, и название надолго закрепилось за этим памятником.

К сожалению, до сих пор результаты исследований памятника остаются не опубликованными. В вышедших в 1966 г. тезисах доклада В. И. Каца, посвященного массовому материалу конца V—IV вв. до н. э. как источнику по истории торговли Херсонеса, материалам из цистерны-нимфеума отведено весьма скромное место: по сути, этот памятник на основании анализа клейм только датирован 70—60 гг. IV в. до н. э.¹

Между тем уже сам по себе факт существования источника за пределами городских стен представляет явление чрезвычайно любопытное, хотя и не неожиданное. Несомненно, что важность этого объекта не исчерпывается только его местоположением и устройством. Весьма актуальной представляется хронология памятника — время его функционирования и засыпки соответственно. Материал из засыпи «нимфеума» наряду с такими комплексами, как материал из колодца «Б» под обжигательной печью или мусорная свалка под античным театром, являются важнейшими источниками для изучения ранней истории города.

Итак, как указывалось, цистерна находилась с внутренней стороны 16 куртины главной оборонительной стены города и частично перекрыта ею (рис. 1). Стена вырублена в известняке сарматского яруса верхнего неогена, который по-

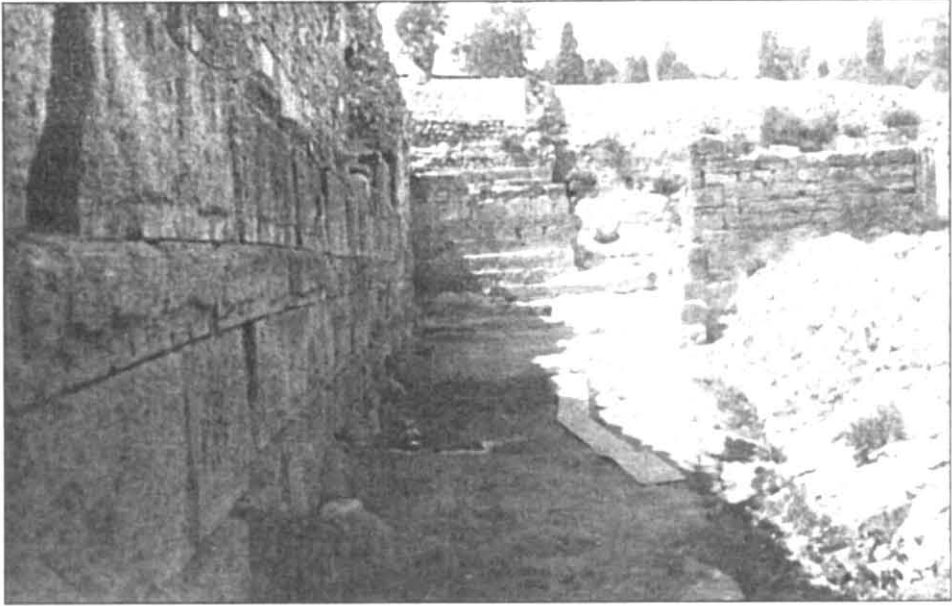

Рис. 1. Общий вид участка внутренней стороны куртины 16

всеместно подстилает культурные слои херсонесского городища. В районе городских ворот и, в частности, с того места, где была устроена цистерна, скала резко понижается в сторону современной Карантинной бухты и древнего залива этой бухты, ныне не существующего. Уровень скалы с внешней стороны оборонительной стены у юго-западного угла склепа 1013 находится на 0,8 м ниже уровня древнегреческих ворот и резко снижается до отметки 1,9 м у протехизмы². Таким образом, цистерна вырублена на самом краю скального выступа, от которого скала резко понижается.

Первоначально мне казалось, что работами 1957—1958 гг. цистерна не была исследована полностью, что под городской стеной, в том месте, где стена перекрыла цистерну, осталась недоисследованной значительная часть заполнения, поскольку раскопками не выявлены южный борт сооружения и большая часть лестничного марша³. Однако фотографии, хранящиеся в архиве Херсонесского заповедника, не оставляют сомнений в обратном. Городская стена не просто перекрыла цистерну — при прокладке трассы будущей стены, которая прошла по южной части цистерны, заполнение цистерны в пределах трассы было полностью удалено до дна и вместо него были положены камни фундамента под стену. В инженерном отношении решение совершенно оправданное: в противном случае стена, построенная на ненадежном основании, обязательно бы дала в этом месте просадку.

Сохранившиеся размеры сооружения: ширина между восточным и западным бортами составляет 3,1 м, длина западного борта до фундамента оборонительной стены — 4,2, восточного — 3,5 м. В юго-восточном углу вырублен спуск в цистерну в виде 4—5-ступенчатого марша. Ширину спуска достоверно установить невозможно, но, надо полагать, она составляла не менее 1 м. Глубина сооружения от уровня верхней поверхности скалы — 2,7 м, глубина до верхней кромки камней каменного настила — 2 м. Вся центральная часть дна сооружения вымощена каменными блоками, плотно пригнанными друг к другу, размер каменных блоков (0,35—0,4)×(0,6—0,7) м, толщина блоков не менее 0,45—0,5 м, т. е. это — мощная каменная вымостка. С севера площадка заканчивается ступенькой из плит такого же размера, но меньшей толщины — 0,17—0,20 м. Все блоки уложены непосредственно на скальное дно. Между блоками вымостки и западным бортом сооружения имеется канава шириной 0,4—0,5 м и глубиной не менее 0,6 м. Вся северная часть сооружения представляет собой накопитель для воды, ширина которого от ступеньки до северного борта составляет 0,9 м. Глу-

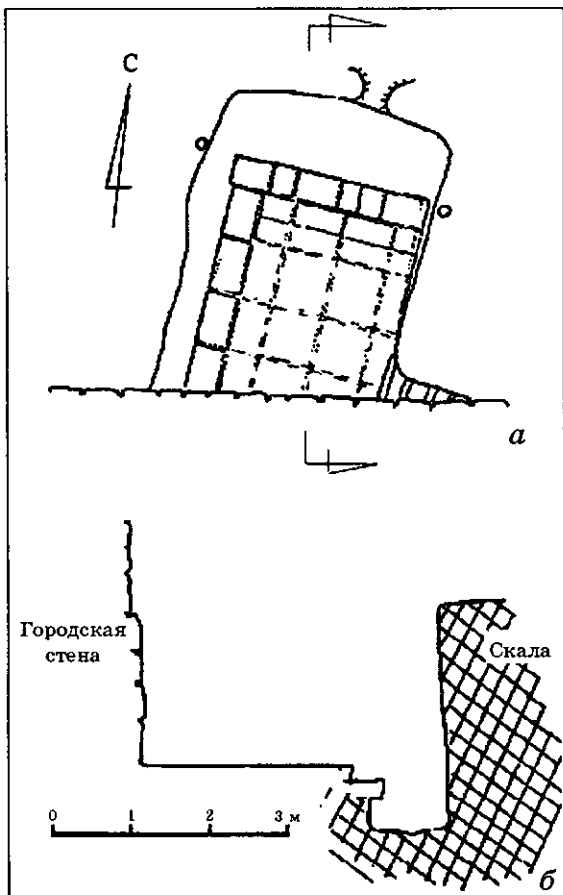

Рис. 2. Общественный источник в юго-восточной части херсонесского городища (по чертежу А. Н. Щеглова): а — план; б — разрез

бина от верхней кромки камней вымостки около 1,0 м (от нижнего края камней ступеньки — 0,3 м) (рис. 2).

Полагаю, что действительные размеры цистерны-нимфеума не намного превышали измеренные в настоящее время. Скорее всего, ступенчатый спуск был устроен в юго-восточном углу цистерны, причем таким образом, что южная стена спуска и южная стена цистерны составляли одно целое. Вероятнее всего, оборонительная стена, точнее, ее фундамент, отрезал от цистерны весьма небольшую часть, именно поэтому можно утверждать, что заполнение цистерны было исследовано в ходе раскопок практически полностью.

Известно предположение Е. Н. Жеребцова о погребальном характере открытого А. М. Гилевич сооружения⁴. В его небольшой по объему статье содержится столько фактических ошибок и основанных на них фантастических версий, что остается только удивляться. Начнем с плана, опубликованного Е. Н. Жеребцовым, где помещены практически все объекты, раскопанные когда-либо на этом участке. Отсутствие линейного масштаба знач-

чительно затрудняет соотнесение объектов друг с другом, но при этом нетрудно заметить, что ширина оборонительной стены и ширина проема ворот на плане одинаковы, хотя в действительности они различны — проем ворот имеет ширину 3,65, тогда как стена — только 3,0 м. Неверно размещен в теле стены склеп 1012: расстояние от его западной стены до лицевой стороны кладки ворот 0,8 м, на чертеже его западная стена помещена почти вплотную. Расстояние до входа в склеп 1012 составляет 3,9 м, на плане Е. Н. Жеребцова оно равно ширине ворот и, соответственно, ширине оборонительной стены. Наконец, южная часть цистерны-нимфеума, которая находится под оборонительной стеной, показана не пунктирной линией, как это полагается для реконструкции, а сплошной, и нигде в тексте не отмечено, что эта часть реконструирована автором. К сожалению, неверно указаны на плане и размеры цистерны — значительно уменьшены и ширина, и длина сооружения. Все эти искажения понадобились только для того, чтобы показать, что склеп 1012 и цистерна-нимфеум — смежные сооружения. Если правильно выдержать все размеры и при этом принять реконструкцию Е. Н. Жеребцова, то северная стена склепа 1012 обязательно перекроет цистерну.

Интерпретация открытого в 1957—1958 гг. сооружения как погребального склепа совершенно умозрительна и абсолютно ни на чем не основана. Нельзя же всерьез принимать за аргумент недоумение автора версии по поводу расположения «водоразборного бассейна у городских ворот, за пределами города». То, что Е. Н. Жеребцов принимает за дромос, является обычным лестничным маршем, и при глубине сооружения более 2 м его наличие вполне понятно и необходимо. Разумеется, нет никаких вырубов под плиты перекрытия склепа, поскольку ника-

кого перекрытия и не могло быть. Напомню, что ширина сооружения 3—3,1 м, с учетом припусков покровные плиты должны были иметь длину не менее 3,5 м, что совершенно невероятно, без мощных опор, поддерживающих перекрытие изнутри. Тем не менее ни остатков перекрытия, ни остатков опор при раскопках найдено не было. Добавлю, что при специальном осмотре стен города летом прошлого года в кладке городской стены не обнаружены каменные плиты длиннее 2,4 м, несмотря на то что плиты были уложены в кладку плашмя, без перекрытия. Указанное выше расстояние невозможно перекрыть известняковыми блоками соответствующей длины без надежной опоры изнутри, прежде всего потому, что известняк — весьма хрупкий материал и расколется под тяжестью собственного веса.

Отметим также, что примеров подобных погребальных сооружений в херсонесском некрополе ни в классическое, ни в эллинистическое время нет. Более того, нет их и во всем Северном Причерноморье.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать единственный вывод: сооружение, открытое возле 16 куртины оборонительной стены города, не могло иметь перекрытия, оно было открытым и, следовательно, не являлось погребальным. Справедливости ради, уточним — оно не могло иметь такого перекрытия, которое предполагается Е. Н. Жеребцовым. Уточнение необходимо потому, что над цистерной-нимфеумом, по всей вероятности, перекрытие имелось, только не каменное, а легкий деревянный навес. Две ямки от столбов, поддерживавших такой навес, зафиксированы в процессе раскопок как на восточном борту, так и на западном. Диаметр ямок, судя по чертежу, около 0,15 м, обе выдолблены в скале. Вполне вероятно, что подобные ямки можно обнаружить и в южной части сооружения.

Придя к заключению об открытом характере сооружения, мы неизбежно возвращаемся к вопросу о его назначении. Вариантов интерпретации не слишком много, и наиболее убедительным представляется вариант С. Ф. Стржелецкого.

Действительно, очень многое указывает на то, что перед нами — общественный источник. Длинная узкая канава вдоль западного борта, служившая для приема воды, соединяется с накопителем в северной части сооружения, достаточно широким и достаточно глубоким. К этому накопителю ведет каменная ступенька. Объяснима и понятна мощность камней вымостки в центральной части сооружения — эта платформа не должна была размываться водой, если уровень её в какие-то периоды повышался выше нормального.

Большая часть деталей устройства, имеющихся в этом сооружении, описана в каталоге колодцев (источников) Франца Глазера⁵. Это и ступенчатые спуски к воде, и вымощенные камнем площадки, и каналы для стока воды, соединенные с накопителями-бассейнами. Типологически сооружение, открытое в юго-восточной части херсонесского городища, принадлежит к типу *Stufenbrunnen*, т. е. ступенчатых колодцев (источников), известных с позднемикенского времени и широко распространенных позднее. Для сооружения источников вообще и этого типа в частности выбирали место либо у подножия скалы, либо на краю резкого понижения скалы. По размерам (4,4×4,25 м) довольно близок к нашему ступенчатый колодец, вырубленный в скале у Пникаса в Афинах⁶.

Разумеется, херсонесский источник только условно можно именовать цистерной, поскольку он имеет ясно выраженный спуск к воде. Судя по устройству, он не служил для сбора и хранения дождевой воды. Вода в нем была проточной и поступала или из родника, или из водоносного слоя, находившегося в слоистой известняковой скале. Равным образом и нимфеумом указанное сооружение можно именовать только в самом широком смысле этого слова. Его, конечно, невозможно сравнивать с такими сложными архитектурными сооружениями, как нимфеум Герода Аттика в Олимпии или источник в святилище Посейдона и Амфитриды на Теносе. Однако для маленького провинциального городка на самой окраине античного мира источник был устроен вполне добротно и по всем необходимым канонам строительного дела античной Греции.

В отношении местоположения источника — за пределами городских стен при въезде в город — нет ничего удивительного. В древности источники устраивались не в тех местах, где хотели бы современные исследователи, а там, где была вода и где это было удобно. Как известно, источники, фонтаны, колодцы находи-

лись не только на территории городов, но и за городскими стенами, они существовали при храмах, при святилищах, в священных рощах и т. д. В связи с этим следует напомнить о существовании в Херсонесе и другого источника, который располагался на склоне балки и был ликвидирован в связи со строительством театра⁷, после включения балки в территорию города. Однако до постройки стены, которую зафиксировал О. И. Домбровский в процессе раскопок театра, этот источник также находился за пределами города.

Требуется своего разрешения и вопрос о времени функционирования рассматриваемого общественного источника. Предварительный ответ В. И. Каца основывался только на одной группе материала — керамических клеймах из заполнения котлована источника.

Всего из заполнения котлована было извлечено пять клейм (см. Архив НМЗХ д. 779, оп. 36476), четыре амфорных и одно на обломке гераклейской керамики. Два гераклейских клейма на обломках горл амфор (ΔΙΟΝΥ, ΑΠΙΣΤ ΙΠΠΟΣ) принадлежат к первой группе и датируются по комплексам амфор 90—80 годами IV в. до н. э.⁸ Третье клеймо ΗΡΑ[ΚΛΕΔΑ] ΣΙΛΑΝΟ второй ранней группы, по И. Б. Брашинскому⁹, датируется первой — началом второй четверти IV в. до н. э. Известно еще всего два клейма с таким сочетанием — первое на амфоре, хранящейся в Крымском областном музее, второе — из комплекса ямы № 9 на поселении у с. Николаевка¹⁰. По поводу последней находки С. Ю. Монахов пишет, что, поскольку в комплексах такие клейма больше не встречаются, то, «исходя из набора фабрикантов, которые работали в год магистратуры Силана, он исполнил должность приблизительно около рубежа 40—30 годов IV в. до н. э.»¹¹. Судя по всему, такая датировка необоснованно завышена и в данном случае следует принять датировку И. Б. Брашинского. Последнее клеймо — круглое трехлучевое — атрибутировано В. И. Кацем как клеймо Аканфа раннего IV в. до н. э.

Керамический комплекс, полученный при исследовании заполнения котлована, весьма разнообразен и насчитывает несколько сотен обломков сосудов различного назначения. Из всего этого многообразия рассмотрим лишь две категории — амфоры и чернолаковую посуду, поскольку именно они могут дать хронологическую характеристику комплекса.

Хиосские амфоры представлены в комплексе обломками горл и ножек. Первые принадлежат пухлогорлым амфорам как раннего (рис. 3, 4), так и позднего варианта (пухлогорлым амфорам с перехватом), который датируется, в основном, третьей четвертью V в. до н. э. (рис. 3, 1—3). Сейчас становится понятным, что производство хиосских пухлогорлых амфор с перехватом продолжалось и в начале последней четверти V в. до н. э.¹² Серия ножек, принадлежащих пухлогорлым амфорам, демонстрирует различные варианты профиля — наряду с углублениями на подошве обычной для этих амфор глубины, встречаются и довольно глубокие выемки (рис. 3, 18, 19), характерные для амфор начала V в. до н. э.

Обращает на себя внимание полное отсутствие обломков хиосских амфор с прямым горлом, относящихся к последней четверти V — началу IV в. до н. э. Одна амфорная ножка принадлежит к типу хиосских колпачковых амфор (рис. 3, 17), судя по форме короткого колпачка, это была амфора раннего варианта, и дата ее не выходит за пределы первой четверти IV в. до н. э.

Гераклейские амфоры представлены обломками нескольких ножек. Все они принадлежат амфорам ранних типов (рис. 3, 5—7), некоторые из них ещё с глубокой выемкой на подошве (рис. 4, 2, 3), относятся к самым ранним сериям гераклейской винной тары первого типа варианта I-2, выпускавшихся в начале IV в. до н. э. весьма продолжительное время¹³.

Одна ножка, несомненно, принадлежит амфоре типа Солоха II (рис. 3, 11), который в последнее время, с легкой руки Ж. Амперера и И. Гарлана, все чаще и, быть может, поспешно связывают с керамическим производством Пепарета¹⁴. Хронология амфор этого типа хорошо прослеживается на ряде комплексов — производство их начинается в 90-х годах и продолжается всю первую половину IV в. до н. э.¹⁵, однако профилировка ножки из нашей коллекции ближе к ранним экземплярам, происходящим из комплексов 90—80 годов V в. до н. э.¹⁶.

Хорошо атрибутируется ножка амфоры типа Солоха I (рис. 3, 14). Выпуск этих амфор начинается еще в 80-х годах IV в. до н. э.¹⁷. Более определенная

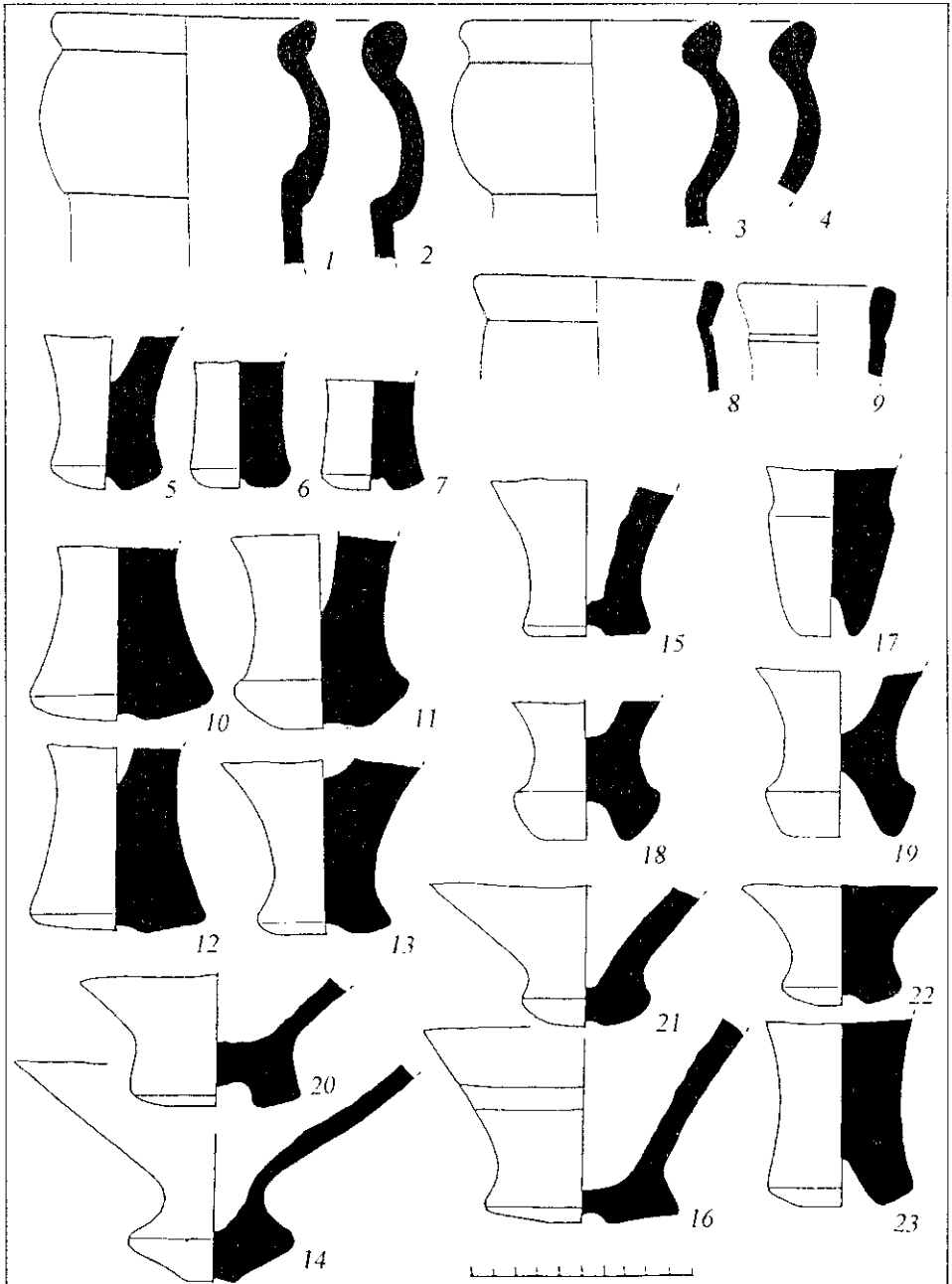

Рис. 3. Обломки амфор из заполнения котлована

хронологическая привязка нашего экземпляра, пожалуй, невозможна. Обратим внимание на довольно низкую внутреннюю выемку в ножке, отличающую наш экземпляр от классических образцов типа.

Две ножки принадлежат амфорам Менде (рис. 3, 10, 11), судя по профилировке, второй половины V в. до н. э.¹⁸

В коллекции имеется одна ножка синопской амфоры (рис. 3, 13). Она хорошо атрибутируется по характерным признакам, свойственным составу глиняного теста синопских амфор. Низкая острореберная ножка с небольшим углублением на подошве позволяет идентифицировать ее как принадлежащую амфоре варианта I-A или I-B первого типа, который датируется С. Ю. Монаховым первой — началом второй четверти IV в. до н. э.¹⁹

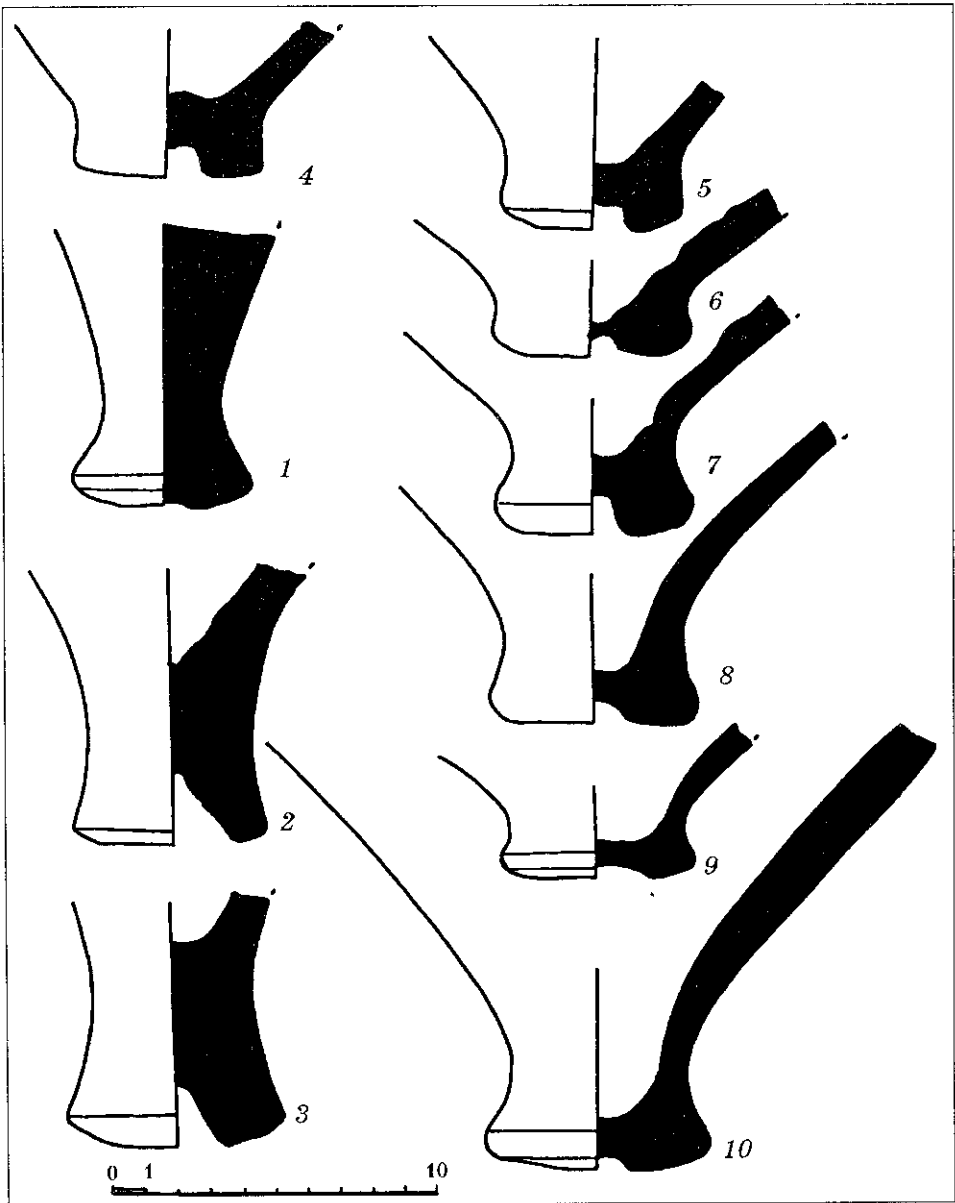

Рис. 4. Обломки амфор из заполнения котлована

Фасосские амфоры представлены обломками венцов амфор (рис. 3, 8, 9), которые трудно связать с каким-то определенным типом.

Большая группа амфорных ножек не может быть надежно атрибутирована. Здесь, прежде всего, следует указать на ножку амфоры, изготовленную из глины красновато-коричневого цвета, имеющую неровный обжиг, в изломе черенок серый; с внешней стороны коричневый ангоб. Форма ножки имеет вид низкого поддона с широким основанием и небольшой выемкой на подошве (рис. 3, 15). Ножка другой амфоры (рис. 3, 16) тоже изготовлена из красновато-коричневой глины, имеет низкий поддон с очень широким основанием. В нижней части тулова по серо-коричневому ангобу нанесена широкая светлая полоса. Профиль ножки и описание глиняного теста напоминают «фасосские» экземпляры из ольвийского склада 1949 г. и из раскопок квартала у ворот Силена на Фасосе²⁰. Если это так, то, возможно, их следует относить еще к концу VI в. до н. э.

Целая серия ножек принадлежит амфорам, изготовленным из красновато-коричневатой плотной глины различных оттенков; в глине хорошо различимы гол-

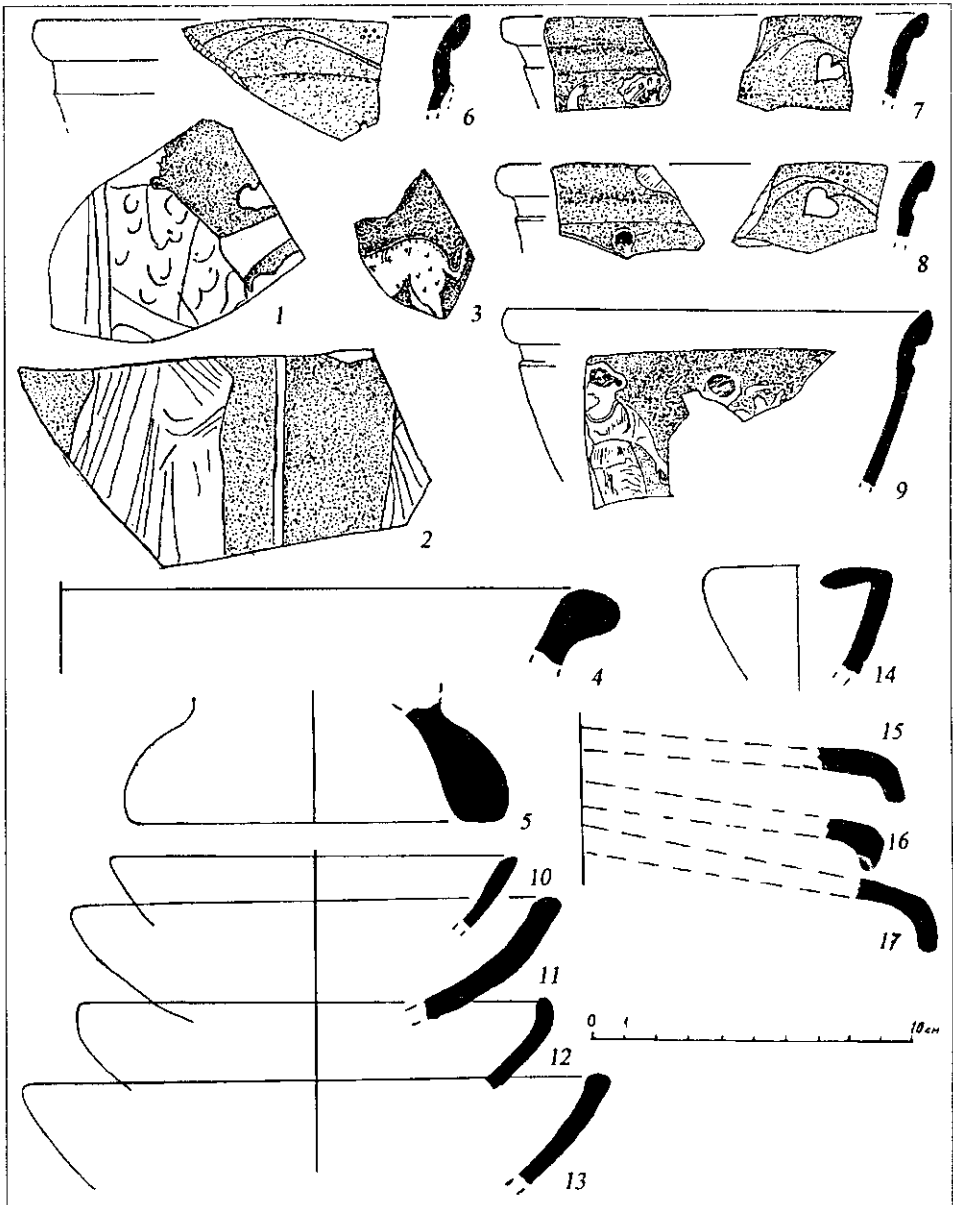

Рис. 5. Краснофигурная и чернолаковая керамика из заполнения котлована

кий песок, слюда и мелкие частицы белого вещества (рис. 3, 20; 4, 4—10). Сверху сосуды были покрыты желтоватым ангобом. Судя по всему, амфоры весьма схожей по описанию глины на таких же низких поддонах выпускались в первой половине V в. до н. э. на Фасосе²¹. Амфоры с весьма близкой профилировкой ножки встречаются в комплексах как первой (афинский колодец Q 12:3, березанский колодец № 4, патрейский склад № 2/1991 и др.), так и второй половины указанного столетия (яма № 2/1991 в Патрее, ольвийская землянка 1985 г.)²². Приведенные данные позволяют утверждать, что в комплексе находятся обломки амфор, датирующиеся, по меньшей мере, от рубежа VI—V вв. до н. э. до начала второй четверти IV в. до н. э. При этом важно подчеркнуть, что наиболее поздние амфорные обломки не выходят за пределы второй четверти IV в. до н. э.

Комплекс чернолаковых и расписных сосудов содержит несколько обломков стенок краснофигурных кратеров, которые, судя по характеру росписи, принадлежат разным сосудам. На первом обломке сохранилась часть задрاپированной

в одежды фигуры, изображенной в фас, голова вправо в профиль. Левая рука вытянута вперед, правая, по-видимому, придерживает шест или тимпан, который изображен мастером поверх одежды на первом плане (рис. 5, 1). Черты лица исполнены пером, складки одежды — пером и тонкой кистью. К сожалению, от рисунка сохранилось слишком мало, чтобы можно было его атрибутировать, однако по своему характеру роспись, несомненно, принадлежит еще к V в. до н. э.

На втором обломке мы видим остатки двух задрапированных в хитоны фигур, стоящих друг против друга (рис. 5, 2). Левая фигура, по всей вероятности, женская, изображена в профиль вправо. От второй фигуры сохранились складки хитона, в верхнем правом углу часть слегка согнутой в локте руки, держащей шест или посох, расположенный между двумя фигурами и являющийся, видимо, центром композиции. Роспись нанесена пером и тонкой кистью, рисунок тщательный, уверенный, полностью в традициях мастеров второй половины V в. до н. э.²³ Оба фрагмента покрыты густым черным лаком глубокого тона.

Третий обломок относится, скорее всего, к нижней части сосуда. На нем сохранились остатки фриза из чередующегося меандра и шахматного орнамента, нанесенного кистью очень аккуратно. Фриз обрамлял обычно поле рисунка. Тщательность исполнения заставляет относить и этот обломок ко времени не позднее V в. до н. э.

Закраина кратера типа Kelch/Glockenkrater имеет утолщенный венец, отогнутый наружу (рис. 5, 4). Диаметр венца 32 см. На изгибе венца и под венцом снаружи две полосы в цвете глины шириной 0,4—0,5 см. Такие закраины характерны для кратеров второй половины — конца V в. до н. э.

Ко второй половине этого же столетия, судя по профилю, относится обломок подставки кратера типа Glockenkrater (рис. 5, 5). Этой дате не противоречит и хороший густой глубокого тона черный лак, которым покрыта подставка.

Серия обломков принадлежит киликам типа Cap-skyphos: heavy wall. Сосуды этого типа отличают глубокое полусферическое тулово на низком кольцевом поддоне, утолщенный венец, отогнутый наружу. Основание венца с внешней стороны отделено от тулова широким желобком. Внутренняя часть дна украшена штампованным орнаментом, внешняя оставлена в цвете глины, на ней нанесены различной ширины концентрические лаковые окружности. По материалам Афинской Агоры тип датируется последней четвертью V — первыми двумя десятилетиями IV вв. до н. э.²⁴ Сосуды этого типа выпускались и позднее²⁵, однако все обломки киликов из нашего комплекса относятся к раннему варианту (рис. 6, 1—3). На обломке дна одного из киликов (рис. 6, 1) сохранился штампованный орнамент — маленький вдавленный кружок в центре, вокруг которого оттиснуты четыре пальметки, окруженные пояском из вдавленных ов, находящихся между двумя вдавленными окружностями. Довольно близкий штампованный орнамент обнаружен на дне чернолакового одноручника последних десятилетий V в. до н. э. и на дне канфара с литым венцом первых двух десятилетий следующего столетия из Афин²⁶.

Нередко тулово киликов такого типа покрывает краснофигурная роспись, а венец с внешней стороны украшен гирляндой плюща.

На одном из обломков (рис. 5, 8) сохранилось изображение мужской головы в профиль влево. Прическа передана пятном лака, бровь нарисована пером, глаз обозначен галочкой. К сожалению, скол пришелся непосредственно по нижней части лица и шеи. С внутренней стороны по венцу нанесена белой накладной краской гирлянда плюща, крупные листья оставлены в цвете глины, цветы обозначены семью точками белой краской.

На другом фрагменте (рис. 5, 7) женская голова в головном уборе в профиль влево, по всей видимости, этой же фигуре принадлежит припухлая женская рука, женщина стоит с поднятой вверх рукой. Прическа нанесена кистью, тонкой кистью нанесены спускающиеся из-под головного убора локоны. Пальцы руки обозначены пером. Белой накладной краской изображена диадема с тремя выступами. Изнутри по венцу растительный побег, листья плюща мельче, чем на предыдущем обломке, но так же оставлены в цвете глины. Третий обломок принадлежит боковой части сосуда, где крепятся ручки (рис. 5, 6), росписи на тулове не сохранилось. По венцу такой же побег плюща.

Четвертый фрагмент сохранил изображение женской фигуры в фас, голова

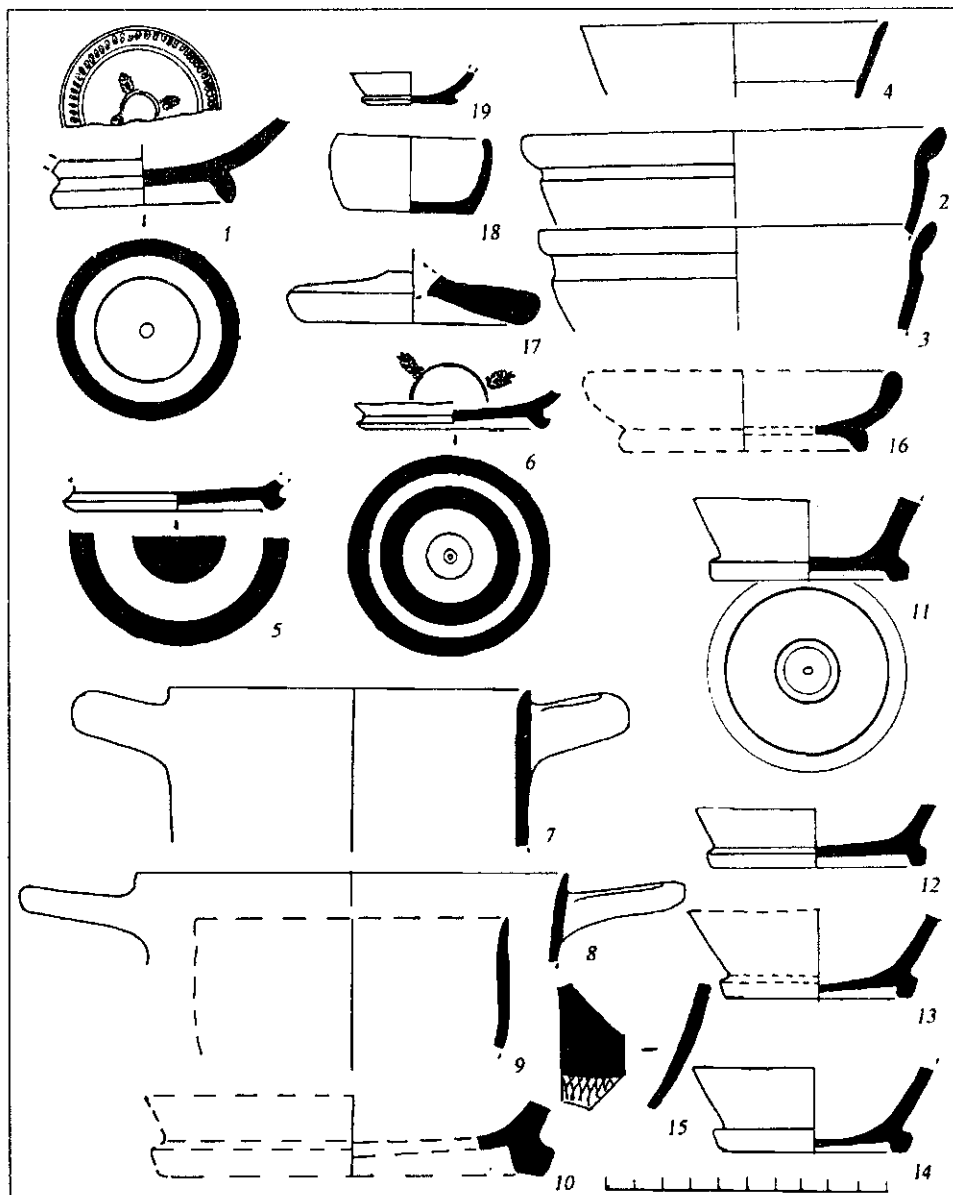

Рис. 6. Чернотерракотовая керамика из заполнения котлована

повернута вправо, от мужской фигуры сохранилась только голова, рядом верхние части листьев пальметки, украшавшей обычно тулово под ручками (рис. 5, 9). Рисунок нанесен кистью и пером с большой тщательностью. Прически изображены обобщенно лаком, бровь обозначена пером. Детали одежды выписаны подробно, тонкими текучими линиями. Несомненно, что рисунок сделан рукой опытного хорошего вазописца. По венцу плющевой орнамент.

Килики этого типа с краснофигурной росписью образуют довольно большой класс, многие сосуды расписаны известными мастерами вазовой живописи позднего V в. до н. э.; так, только мастеру чаши из Иены приписывается более 70 работ²⁷. Обломки расписных киликов этого типа и целые экземпляры неоднократно встречались при раскопках в Северном Причерноморье²⁸. А. Юр определила хронологические рамки подобных киликов последней четвертью V – второй четвертью IV в. до н. э.²⁹, что остается неизменным и поныне. Однако поздние группы таких сосудов расписаны уже в беглом стиле, без тщательной проработ-

ки деталей, весьма обобщенно³⁰. Роспись на наших фрагментах, безусловно, еще не несет на себе признаков беглого стиля, детали выписаны тщательно и аккуратно, и соответствует второй и третьей группам А. А. Передольской, что и позволяет датировать их последними десятилетиями V в. до н. э.

Несколько обломков могут быть атрибутированы как обломки киликов типа *bolsal* (рис. 5, 5, 6). Выпуск сосудов этого типа начался в 40-х годах V в. до н. э. и продолжался почти до середины второй четверти следующего столетия³¹. Правда, до сих пор существует представление о том, что килики типа *bolsal* выпускались до конца IV в. до н. э., причем в последнее время со ссылкой на работу С. Ротроф об эллинистической керамике³². Между тем в работе С. Ротроф учтено всего два сосуда, датированных концом IV в. до н. э.³³, более того, судя по профилю этих сосудов, особенно подставки, нет полной уверенности в том, что они аттического производства. Узко датированные комплексы Северного Причерноморья, в том числе погребальные, не позволяют согласиться со столь поздней датировкой. Поступление киликов данного типа на рынках Северного Причерноморья заканчивается уже во второй четверти IV в. до н. э.³⁴. На поселениях, возникших во второй половине IV в. до н. э. или даже около середины столетия, килики типа *bolsal* полностью отсутствуют. В качестве иллюстрации приведем комплекс чернолаковой посуды поселения Генеральское-Западное в Восточном Крыму³⁵, усадеб ближней хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове или комплекс керамики У6 поселения Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Об этом же, по существу, свидетельствует упоминавшийся комплекс чернолаковой керамики поселения Козырка 2 на хоре Ольвии.

Судя по штампу на дне килика (рис. 6, 6)³⁶, особенностям профилировки поддона, наши экземпляры следует датировать первой — началом второй четверти IV в. до н. э.

Необходимо упомянуть подставку килика (рис. 6, 17) типа *cup: type C, plain rim*, датированного первой половиной V в. до н. э., а также обломок так называемого тюльпановидного килика *cup-skyphos:light wall* (рис. 6, 4) датированного не позднее второй четверти IV в. до н. э.³⁷.

Значительную группу составляют обломки венцов и поддонов скифосов. Все они, за исключением одной стенки коринфского скифоса (рис. 6, 15), принадлежат к типу аттических скифосов (рис. 6, 7—14). Судя по прямым, еще не отогнутым венцам, массивным широким поддонам, большая часть из них принадлежит к раннему варианту типа, датированному в пределах второй половины V в. до н. э. К концу V — началу IV вв. до н. э. можно, пожалуй, отнести только один обломок скифоса (рис. 6, 11).

В коллекции имеется также несколько обломков закраин тарелок с кососрезанным или прямым краем, некоторые из них, впрочем, не отличимы от закраин одноручников (рис. 5, 10—13). К сожалению, хронология сосудов этого типа разработана слабо, поэтому единственным и не всегда надежным ориентиром служит качество лака. Все обломки покрыты густым блестящим черным лаком глубокого тона, что позволяет относить их ко времени не позднее начала IV в. до н. э. Исключение составляет закраина сероглиняной миски, покрытая тусклым бурым лаком определенно не аттического производства (рис. 5, 10).

Небольшая чернолаковая солонка высотой 2,6 см и диаметром 5,8 см относится к типу эхинообразных солонок на плоском дне — *saltcellar: echinus wall* (рис. 6, 18). Плоскодонные солонки характерны именно для V в. до н. э. и позже рубежа V — IV вв. до н. э. в комплексах уже не встречаются. По размерам и профилю наш экземпляр ближе всего к сосудам середины — второй половины V в. до н. э. из раскопок Афинской Агоры³⁸.

К сожалению, не помогают уточнить дату комплекса ни фрагмент нижней части арибаллического лекифа (рис. 6, 19), ни обломок тарелочки с утолщенным венцом, ни обломки закраин крышек лекан (рис. 5, 15—17).

Завершая обзор чернолаковой керамики из заполнения котлована, обратим внимание еще на два предмета. Первый — это обломок закраины с частью стенки гуттуса из серовато-коричневой глины, покрытый лаком коричневого тона (рис. 5, 14). Разумеется, сосуд изготовлен не в Аттике, а в каком-то ином центре, скорее всего в малоазийском. По форме он может быть соотнесен с гуттусами начала — первой половины V в. до н. э.³⁹.

Второй обломок является верхом тулова краснофигурного аска (рис. 5, 3). На нем сохранилось изображение части тулова стоящей пантеры — хорошо видны задние ноги и поднятый хвост. Шерсть на спине и хвосте обозначена точками без применения разбавленного лака, на боках — строеными точками, на бедре ноги — галочками пером. Рисунок выполнен очень тщательно. Изображения пантер достаточно часто встречаются в краснофигурной вазописи, как на больших вазах, так и на небольших сосудах и даже на лекифах. Ближайшая аналогия нашему рисунку — обломок аска с фигурой стоящей пантеры из раскопок Пантикапея⁴⁰. На нашем фрагменте рисунок выполнен более тщательно, шерсть обозначается пером галочками. По всей видимости, он относится к несколько более раннему времени — концу V в. до н. э. или к первому десятилетию IV в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки керамического комплекса из заполнения нимфеума мы можем ограничить временем от начала или даже рубежа VI—V вв. до н. э. до конца первой трети IV в. до н. э. Следует отметить, что амфорные находки распределены в данном временном промежутке более равномерно, нежели обломки расписной и чернолаковой керамики. Обломков последней категории посуды, которые можно было бы уверенно связать с первой половиной или началом V в. до н. э., крайне мало, их единицы. Основной массив расписной и чернолаковой керамики датируется второй половиной указанного столетия, точнее, последней третью V — началом IV в. до н. э.

К сожалению, у нас нет возможности судить по полевой документации о стратиграфии заполнения; учитывая характер заполнения и его насыщенность, едва ли это было возможно проследить. Между тем необходимо установить, как заполнялся котлован — постепенно или однократно, в течение непродолжительного времени. Анализ керамического комплекса позволяет ответить на этот вопрос. Весьма небольшое количество обломков столовой чернолаковой керамики первой половины V в. до н. э. заставляет прийти к заключению, что заполнение котлована не образовывалось постепенно и что засыпка его была произведена единовременно.

Нам остается выяснить, когда это было. Верхний хронологический рубеж по всей совокупности данных мы можем ограничить концом первой четверти IV в. до н. э., однако вследствие того что отдельные вещи могут быть датированы и второй четвертью столетия, мы должны принять за наиболее вероятное время прекращения функционирования общественного источника и его засыпки 70-е годы IV в. до н. э. Косвенным аргументом, подтверждающим предложенную дату, может служить отсутствие в керамическом комплексе некоторых категорий посуды, имевших широкое распространение именно со второй четверти данного столетия.

¹ Кац В. И. Массовый материал конца V—IV вв. до н. э. как источник по истории торговли Херсонеса в позднеклассическую эпоху // Тез. докл. конф. — Борисоглебск, 1966.

² Пятыешева Н. В. Отчет о работе херсонесской экспедиции ГИМ в 1948 г. // Архив НМЗХ. Д. 732.

³ Рогов Е. Я. Столетие открытия склепа 1012 в Херсонесе. — STRATUM PLUS. - 2000. — № 3.

⁴ Жеребцов Е. Н. Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА. — № 159. — С. 34—37.

⁵ Glaser F. Antike Brunnenbauten (KPHNAT) in Griechenland. — OAW. — Philosophisch-Historische Klasse. Denkschriften. — Wien, 1983. — Bd. 161.

⁶ Там же. — С. 131.

⁷ Марченко Л. В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // Херсонесский сборник. — Вып. X. — С. 102.

⁸ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. — Саратов, 1999. — С. 165—167, 174—177, 192.

⁹ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. — Л., 1980. — С. 39.

¹⁰ См.: Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. — Л., 1984. — Табл. 7, № 259, 280; Монахов С. Ю. Указ. соч. — С. 369—371.

¹¹ Монахов С. Ю. Указ. соч.— С. 371.

¹² Там же.— С. 145. К упомянутому С. Ю. Монаховым комплексу Ольвийского склада № 1 1971 г. теперь следует добавить и керамический комплекс хозяйственных ям № 5 и 9 поселения Вышестеблиевская 11 на Таманском полуострове, датирующийся началом последней четверти. Здесь также обнаружены пухлогорлые амфоры с перехватом наряду с хиосскими прямогорлыми амфорами.

¹³ Абросимов Э. Н. Стандарты емкости амфор Гераклеи Понтийской в IV в. до н. э. // Античный мир и археология.— Саратов, 1999.— Вып. 10.— С. 123—125.

¹⁴ Амперер Ж., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры.— Саратов, 1992.— С. 20; см. также: Монахов С. Ю. Указ. соч.— С. 240, 241. Между тем материал, на котором основываются Амперер и Гарлан, происходит из сборов на островах Скопелос и Икос, и наличие действительных мастерских по производству амфор этого типа археологически не подтверждено.

¹⁵ Брашинский И. Б. Методы...— С. 134—136.— Табл. 10.

¹⁶ Монахов С. Ю. Указ. соч.— С. 179—191.

¹⁷ Там же.— С. 243.

¹⁸ Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник.— 1989.— Вып. 3.— Тип. 2.89.

¹⁹ Монахов С. Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры.— Саратов, 1992.— С. 166—168.— Табл. 3.

²⁰ Монахов С. Ю. Греческие амфоры...— С. 55, 56.

²¹ Grandjean Y. Contribution a l'établissement d'une typologie des amphores thasiennes. Lematieriel amphorique du quartier de la porte du Silene // BCH.— VOL. 116.— P. 562.

²² Монахов С. Ю. Греческие амфоры...— Табл. 10, 425—427; Табл. 14, 18—20; Табл. 23, 2; Табл. 28, 2, 3; Табл. 45, 17, 18.

²³ Ср.: CVA Wien (2) III I, Taf. 94.5

²⁴ Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery. Athenian Agora XII.— New Jersey: Princeton, 1970.— P. 111, 112.— № 612—623.

²⁵ Rogov E. Ya., Tunkina I. V. Расписная и чернолаковая керамика некрополя Панское 1 // Археол. вести.— СПб., 1998.— Вып. 5.— С. 163.

²⁶ Sparkes B. A., Talcott L. Ibid.— № 658, 753.

²⁷ Ure A. D. Red-figure cups with incised and stamped decoration. II // JHS.— 1944.— Vol. LXIV.— P. 158.— Pl. VII, II—14.

²⁸ См., напр., в Пантикапее: Лосева Н. М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея // Сообщ. Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина.— М., 1984.— Вып. 7.— С. 120—123; в Ольвии: Сазанова Н. Г. Краснофигурный килик из Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья.— Киев, 1988.— С. 183—188; Горбунова К. С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское 1 // История и культура античного мира.— М., 1977.— С. 41—45; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на нижнем Дону.— Л., 1980.— Табл. XXXV, 15.

²⁹ Ure A. D. Ibid.— P. 67—77.

³⁰ См.: Передольская А. А. Мастер керченских фрагментов, найденных на Митрилате // Archaeologia.— 1963.— XIV.— S. 41—48.

³¹ Sparkes B. A., Talcott L. Ibid.— P. 107—108.

³² Данильченко С. А. Чернолаковая аттическая керамика поселения Козырка 2. Сисития.— СПб., 2000.— С. 218.

³³ Rotroff S. J. Hellenistic potteri Athenian and imported wheelmade table ware and related materiale.— Athenian Agora.— 1997.— Vol. XXIX.— Fig. 13, № 168, 169.

³⁴ Rogov E. Ya., Tunkina I. V. Указ. соч.— С. 163.

³⁵ Масленников А. А. Чернолаковая посуда из поселения Генеральское-Западное // Проблемы истории, филологии, культуры.— М.; Магнитогорск, 1997.— Вып. 4.— Ч. 1.— С. 112—130.

³⁶ Ср.: Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947—1949 г.—София, 1963.— № 409; Rogov E. Ya., Tunkina I. V. Указ. соч.— С. 163, № 53—57.

³⁷ *Подробнее см.: Рогов Е. Я., Тункина И. В. Указ. соч.— С. 165.*

³⁸ *Sparkes B. A., Talcott L. Ibid.— № 911, 913*

³⁹ *Robinson D. M. Vases Found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus.— Baltimore, 1950.— Part XIII.— P. 267, № 478.*

⁴⁰ *Лосева Н. М. Указ. соч.— С. 121.— Рис. 6, в.*

Одержано 07.05.2001

С. Я. Рогов

ГРОМАДСЬКЕ ДЖЕРЕЛО У ПВДЕННО-СХІДНІЙ ЧАСТИНІ ХЕРСОНЕСЬКОГО ГОРОДИЩА

У 1957—1958 рр. недалеко від міських воріт Херсонеса, із зовнішнього боку 16 куртини було відкрито прямокутне заглиблення у скелі, яке було інтерпретовано С. Ф. Стржецьким як цистерна-німфеніум. Аналіз археологічних даних і численні аналогії в різних частинах античного світу дають змогу повністю прийняти таку інтерпретацію. Керамічний комплекс із заповнення котловану дозволяє встановити дату засипки цистерни-німфеніума — 70-ті роки IV ст. до н. е.

E. Ya. Rogov

PUBLIC SOURCE IN SOUTH-EASTERN PART OF ANCIENT TOWN OF CHERSONESOS.

In 1957—1958 the right-angled depression in the rock, interpreted by S. F. Strzheletskiy as a cistern-nymphium, was discovered not far from the town gates of Chersonesos, from the inner side of the 16th curtain. The analysis of the archaeological data and numerous analogies in the different parts of the antique world makes it possible to admit this interpretation. The complex of ceramics from the fill of the foundation pit enables the establishment of the date when the cistern-nymphium was filled up; these were the 70ies of the IV century BC.

О. П. Секерська

СКОТАРСТВО ТА ПОЛЮВАННЯ В ГОСПОДАРСТВІ ПІЗНЬОСАБАТИНІВСЬКОГО ПОСЕЛЕННЯ ДРІМАЙЛІВКА

В статті наведено характеристику остеологічних матеріалів з пізньосабатинівського поселення Дрімайлівка, здобутих в 1989—1991 рр.

Протягом 1986—1991 рр. автором було визначено понад 8 тис. кісток тварин, що були знайдені під час розвідок та розкопок поселення епохи пізньої бронзи Дрімайлівка*. Дрімайлівське поселення розташоване на східній околиці с. Новоберислав Херсонської обл. і датується пізньосабатинівським часом. Воно синхронізується з Воронівкою II, Анатолівкою та розкопом III Зміївського поселення¹.

* Автор висловлює щирю подяку М. П. Оленковському, Г. М. Тошєву та В. А. Самару за можливість опрацювати археозоологічний матеріал.